

DOI: 10.15372/HSS20200111
УДК 329(47+58) КПСС"1932"

М.А. ФЕЛЬДМАН

**ТРУДНАЯ ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ
(НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ XVII КОНФЕРЕНЦИИ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (б))**

Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы
РФ, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.

В статье рассмотрены основные события, произошедшие на XVII конференции ВКП (б) в январе – феврале 1932 г. Сделаны выводы о формах и результатах дискуссии на этом партийном форуме. Отмечается, что, несмотря на доминирование идеологических оценок, на конференции была озвучена правдивая информация о характере экономических отношений в промышленности СССР; о масштабности брака выпускаемой продукции, порожденного в первую очередь необоснованным увеличением темпов роста. Развивается тезис о том, что государственные задачи стабилизации экономики требовали своего разрешения, и критические нотки в выступлениях ряда делегатов свидетельствовали о назревшем недовольстве в правящем эшелоне. Фактически партийный и хозяйственный управленческий корпус в той или иной форме выражал тревогу за положение дел в народном хозяйстве. Символическое молчание Сталина на протяжении одиннадцати заседаний конференции свидетельствовало и о нежелании вступать в дискуссию о причинах очевидных кризисных явлений в экономике, и о стремлении скрыть обобщающую информацию о подлинной ситуации в промышленности и сельском хозяйстве СССР.

Ключевые слова: конференция, пленум, партия, делегаты, индустриализация, рабочие, специалисты, пятилетка, план, перелом.

M. A. FELDMAN

**FORCED ATTEMPT TO COMPREHEND
(A NEW LOOK AT THE EVENTS OF THE XVII CONFERENCE
OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (b))**

Ural Institute-branch of the Academy of national economy and public administration
66, 8 Marta str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

The absence of a systematic and detailed analysis of the materials of the XVII conference of the CPSU (b) in January – February 1932 has been and remains a common place of historical literature giving unwittingly a passing character to the event. Evaluation of the conference is largely determined by the Soviet era characteristics supported by numerous attempts to rehabilitate Stalin's policy. What was the real role of the XVII conference of the CPSU (b)? The article is devoted to this problem. The article notes that at the party forum there was (often hidden and fragmentary) analysis of a yet another year's results of the First five-year plan, which differed sharply from the planned ones and caused deep imbalances in the national economy of the country. The conference delegates' speeches showed the reasons of failure to fulfill the plans of the first years of the five-year plan, revealed high level of product defect. It is important, these reasons were not related to the "wrecking of old specialists", but to objective factors such as the preservation of primitive manual labor zones generating frequent downtime in the modern technology use, as well as the low level of mastering mechanisms due to unskilled workers' predominance. The speeches of a number of heads of industries and trusts in one or another form condemned the emphasis on quantitative indicators without mentioning the name of Stalin – the initiator of such a policy. At the same time, the delegates of the conference supported all the pro-posed resolutions endorsing the Party's general line during the years of Great turning point; agreed not to discuss collectivization course and its consequences in the Soviet village

Key words: conference, plenum, party, delegates, industrialization, workers, specialists, five-year plan, plan, turning point.

Михаил Аркадьевич Фельдмана – д-р ист. наук, профессор, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы. e-mail: feldman-mih@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>.

Mikhail. A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration Russia.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В исторической литературе советского времени при преобладании в целом достаточно прямолинейных оценок отношение к XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) (30 января – 4 февраля 1932 г.) было двойственным. Партийный форум априори мог нести только положительную нагрузку и в силу этого причислялся к разряду «исторических событий». Тем не менее «закулисный» характер XVII конференции был очевиден: леворадикальные мероприятия форсированной модернизации, получившие название «Великого перелома», вызвали хаос в экономической и общественной жизни, и, как следствие, необходимость поиска выхода из сложившейся ситуации. Под прикрытием оптимистических пропагандистских лозунгов на XVII конференции фактически была возложена трудная миссия регулирования последствий «Великого перелома».

Столь же нелегкая задача стояла и перед исторической литературой советского времени. Официоз «История социалистической экономики» с работой XVII конференции ВКП (б) связывал только «принятие программы деятельности по внедрению и укреплению в промышленности хозяйственного расчета и повышению экономической эффективности производства» [1, с. 141].

Столь же узконаправленный характер носила оценка XVII конференции в «Истории советского рабочего класса»: главной задачей управленческих структур провозглашалось «увеличение доли квалифицированных рабочих в общей массе рабочих» [2, с. 206]. В трудах по истории индустриализации в СССР значение XVII конференции ВКП (б) связывалось прежде всего с прозвучавшим на ней выводом о том, что «вопрос о борьбе социалистического и капиталистического укладов решен в пользу социалистического» [3, с. 145].

К середине 1980-х гг. в исторической литературе устоялось понимание места конференции как организационного мероприятия, вновь наметившего высокие темпы ускоренного развития советской экономики в конкретный период очевидного падения трудовой дисциплины, ощутимых потерь от увеличения числа прогулов и текучести рабочей силы. Кроме того, повысилась доля брака во всех отраслях промышленности, снизилась производительность труда [4, с. 165]. В осторожной форме указывалось на недостаточную обоснованность резкого повышения ряда плановых заданий второй пятилетки и наличие волонтаристских перегибов в планировании в начале 1930-х гг. [5, с. 121].

В постсоветское время британский историк Р. Дэвис дал наиболее развернутую оценку XVII конференции ВКП (б). По его мнению, конференция «отразила двусмысленность и неопределенность, преобладавшие (в руководстве страны) в начале 1932 года». Кризисная ситуация в промышленности и сельском хозяйстве, срыв практически всех плановых заданий заставили Сталина *отказаться от выступлений на конференции*.

На первый план на конференции вышли управленцы, непосредственно отвечавшие за экономику. В выступлении народного комиссара тяжелой промышленности С.Г. Орджоникидзе об итогах 1931 г., в докладах о перспективах второй пятилетки председателя СНК СССР В.М. Молотова и председателя ВСНХ В.В. Куйбышева содержались попытки определить место индустриализации в развитии советского социализма. При этом второй пятилетний план, как подчеркивает Дэвис, обсуждался с гораздо большей умеренностью, чем в 1930 – 1931 гг. [6, с. 133–140].

Вслед за Р. Дэвисом О.В. Хлевнюк рассматривал взаимосвязанные события 1931–1932 гг. как «мини-реформы», отразившие сталинское понимание сути кризиса и путей выхода из него. Оговорившись, что «сталинский прагматизм всегда имел характер кризисного прагматизма», «ограниченной, запаздывающей и непоследовательной реакции на обострение кризисных явлений до крайних пределов», О.В. Хлевнюк уточнил: «несмотря на некоторые колебания и частичные изменения индустриальных планов, курс на форсированную индустриализацию и наращивание капитальных вложений в тяжелую промышленность не претерпел изменений», что и нашло отражение в резолюциях XVII конференции ВКП (б) [7, с. 117–118]. Вместе с тем, остается нераскрытым и в настоящее время ряд важных сюжетов в работе конференции, прежде всего масштаб и последствия столкновения рационалистического и утопического направлений в советской социально-экономической политике.

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА ИТОГОВ
«ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

XVII конференция ВКП (б) открылась 30 января 1932 г. – ровно через год после Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности [8].

Совпадение по дате носило не только формальный характер: в обоих случаях (даже в условиях жесткой политической цензуры – внешней и внутренней) осуществлялся трудный анализ итогов очередного года первой пятилетки. Ее итоги резко отличались от запланированных, они вызывали глубокие диспропорции в народном хозяйстве страны.

Вступительное слово при открытии XVII конференции ВКП (б) и заключительное слово при ее закрытии произнес председатель СНК СССР В.В. Молотов. По замыслу Сталина, критический запал управленческого корпуса, вынесшего перенапряжение периода «Великого перелома», должен был миновать генерального секретаря ЦК ВКП (б).

Вступительное слово Молотова сразу же представляло для делегатов конференции *нужные политические ориентиры*. Годы первой пятилетки провозглашались временем пути «от одной победы к другой победе» под мудрым руководством ЦК во главе с т. Сталиным, «победоносного осуществления директив XVI партийного съезда об окончании пяти-

летки в четыре года». Наконец, по заявлению Молотова, «несмотря на все трудности, фундамент социалистической экономики в нашей стране создан. Коренной ленинский вопрос: “кто кого?” решен против капитализма в пользу социализма» [9, с. 7–8]. Участникам конференции оставалось только «втиснуть» свои выступления в указанные сверху рамки.

НАЧАЛО ОСМЫСЛЕНИЯ РЕАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Первый же доклад – народного комиссара тяжелой промышленности С.Г. Орджоникидзе об итогах развития промышленности за 1931 г. и задачах 1932 г. – вышел за пределы дозволенного. Орджоникидзе начал выступление с повествования об успехах, сообщив о росте по всей промышленности в 1931 г. на 21 %, в том числе по тяжелой индустрии – на 28,7 %, а по легкой – на 12, 6 %. Далее последовал подробнейший отчет о выполнении технического плана по отраслям. Однако делегаты конференции не могли не заметить, что практически все показатели давались *в рублях* – без учета инфляции 1929–1931 гг.; без сравнения запланированных на 1931 г. и реальных количественных показателей. Исключением стали те отрасли, положение в которых было просто критическим. Например, С.Г. Орджоникидзе признал, что «черная металлургия (в 1931 г.) осталась на уровне 1930 г.» [9, с. 9].

Проблемы качества и качественных показателей Орджоникидзе старался, в отличие от многих своих прежних выступлений, не касаться. Но о многом говорила короткая фраза наркома: «на протяжении последних лет хозрасчет у нас почти полностью пропал» (!) [8, с. 19].

Тем самым 30 января 1932 г. представитель высшего советского партийно-государственного руководства, более других внесший вклад в реализацию пятилетнего плана, признал, что многочисленные решения и постановления ЦК и СНК о внедрении хозрасчета не дали никаких результатов.

В расплывчатой форме нарком упомянул о трудностях освоения новых заводов. Указав на сохранение уравнилельной оплаты труда, наличие «громоздких трестов с неживыми отношениями с предприятиями», он перевел все эти факторы в разряд *временных трудностей* роста социалистической экономики [9, с. 11, 15, 19].

Нереальный показатель предстоящего прироста промышленного производства на 1932 г. (36 %), прозвучавший в докладе наркома, свидетельствовал о том, что член Политбюро ЦК ВКП (б) С.Г. Орджоникидзе подтвердил приверженность курсу на форсированную модернизацию. Вместе с тем руководитель Наркомата тяжелой промышленности положил начало разговору о реальном положении дел в советской экономике.

О значении доклада С.Г. Орджоникидзе говорит тот факт, что его обсуждению были посвящены четыре заседания конференции, тогда как обсуждению докла-

дов Молотова и Куйбышева было отведено только три заседания. Из 38 управленцев, выступивших в прениях по докладу Орджоникидзе на заседаниях 31 января – 1 февраля 1931 г., большинство говорили о трудовых победах на предприятиях и в трестах, отраслевых объединениях в регионах, указывая только на *отдельные недостатки*, но не забывая при этом упомянуть о «верной политике ЦК под руководством т. Сталина». Среди поддержавших сталинский курс следует особо выделить функционеров, отвечавших за охрану прав трудящихся – председателя ВЦСПС Н.М. Шверника и наркома труда А.М. Цихона, чьи выступления скорее напоминали рапорты хозяйственников о высоких взятых социалистических обязательствах.

Для Шверника главные задачи профсоюзов в 1932 г. заключались в «повышении производительности труда на 22 %, снижении себестоимости продукции на 7 %, в освоении капиталовложений на 12 млрд. руб.; увеличении численности рабочих и служащих в народном хозяйстве на 2,3 млн. чел., в том числе в промышленности на 1,2 млн. чел.». [9, с. 108]. Цихон главное видел в привлечении новых рабочих на производство [9, с. 96–97]. Тем значимее были речи тех делегатов конференции, которые решились на критический анализ экономической ситуации.

Выступление наркома легкой промышленности И.Е. Любимова [9, 34–40] в основном посвящалось низкому качеству производимых товаров потребления. Помимо объективных причин – низкого качества сырьевой базы, устаревшего и изношенного оборудования – Любимов указал на недостаточное внимание к развитию отрасли, привел примеры существенного урезания средств на производство предметов широкого потребления, высокой текучести (выше 100% в ряде подотраслей легкой промышленности). Следствием этого стал мизерный выпуск самого необходимого. Стенографический отчет не зафиксировал, какую реакцию вызвал у делегатов конференции приведенный наркомом поразительный факт: план 1932 г. (последнего года первой пятилетки) предполагал выпуск на одного советского гражданина (в среднем) *0,5 пары обуви* [9, с. 38]. Тональность выступления И.Е. Любимова резко отличалась от браваурного тона советской пропаганды!

О доминировании примитивного ручного труда на лесозаготовках, отсутствии механизации вывоза заготовленной древесины, огромных потерях лесной продукции при хранении говорил нарком лесной промышленности СССР С.С. Лобов. Малая доходность отличала и советский экспорт лесной промышленности; бесхозяйственность отмечалась в использовании заготовленного сырья [9, с. 40–45].

ЭПИЦЕНТР ОБСУЖДЕНИЯ

Пожалуй, наиболее запоминающимся на конференции стало выступление Я.Э. Рудзутака – заместителя председателя СНК и СТО СССР [9, 71–75]. Начав с ритуального выступления – «мы построили основы

социализма в одной стране, ... заложили прочный фундамент для здания социализма. По количественному росту ... у нас огромные достижения» [9, с. 71], Рудзук обратил внимание на то, что зачастую на промышленных предприятиях при новейшем импортном оборудовании сохраняются зоны примитивного ручного труда, порождающие частые простои в использовании новейшей техники.

Логическим следствием такого положения, а также в силу низкого уровня освоения механизмов и преобладания неквалифицированных рабочих стал «тот неимоверный процент брака, который, к сожалению, в 1931 г. по сравнению с 1930 г., не уменьшился, а возрос, и дает громадный урон народному хозяйству... Плохая продукция черной металлургии предопределяет плохую продукцию машиностроения, и всех потребителей металла». Огромный процент брака – по ряду заводов до четверти – означает, что «громадное количество продукции и рабочей силы тратится впустую, и очень часто потребитель вместо чугуна получает брак, который непригоден для производства, или, если применяется в производстве, дает плохое качество машин и оборудования» [9, с. 73]

Фактически 31 января 1932 г. член Политбюро ЦК Я.Э. Рудзук дал развернутую оценку политики радикального форсирования темпов экономического роста. Низкое качество значительной части продукции советских заводов в начале 1930-х гг. не было тайной для делегатов конференции. Но указать на конкретную цифру – до четверти произведенного – было большой смелостью. Стоимость выпущенной в 1931 г. промышленной продукции С. Орджоникидзе оценил в 11,8 млрд руб. [9, с. 9]. Получалось, что «на ветер» выбрасывалось практически 3 млрд руб.

Приведенные факты не были плодом эмоциональных всплесков делегатов конференции. 1931-й год, по мнению видного исследователя военной промышленности СССР А.К. Соколова, можно с полным основанием назвать «годом брака». Выпущенные авиамоторы М-17 г. ломались через 5–10 ч работы, в ходе учений 1932 г. подавляющее большинство танков (51 из участвовавших 56) вышли из строя [10, с. 134, с. 202, 258]. Докладная записка РКИ о состоянии танкостроения по итогам 1931–1932 гг. фиксировала низкое качество окончательной сборки всех выпущенных танков [10, с. 202–203]

О сталинском недовольстве ходом обсуждения докладов говорит такой факт: Я.Э. Рудзук через четыре дня после выступления, в день закрытия конференции, будет выведен из членов и переведен в кандидаты в члены Политбюро.

Отметим и другое. Три вышеуказанных выступления (Рудзук, Любимова, Лобова) принадлежали представителям так называемой «старой большевистской гвардии», определенная часть которой, пройдя школу нэпа, привыкла к реалистической оценке экономической ситуации.

О низком качестве сельхозтехники из-за «плохого материала, плохой обработки деталей, плохой

сборки пригонки частей, плохой упаковки для отправки и т. п.» говорил заместитель наркома земледелия СССР А.В. Одинцов [9, с. 133]. О причинах масштабного брака в продукции начала 30-х гг. делегаты конференции могли судить по приведенному факту в выступлении управляющего объединением «Востоксталь» Я.П. Иванченко: из руководителей предприятий только 0,6 % имели высшее техническое образование [9, с. 102]. В этом сказывались и последствия масштабных репрессий против «старых» специалистов: примерный «процент привлечения» к суду специалистов от общей их численности в Донбассе составил 13%, на Урале – 10, в Сибири – 17% [11, с. 151].

Особое значение на конференции имело выступление начальника научно-технического управления Высшего совета народного хозяйства Н.И. Бухарина [9, с. 75–80]. Здравницы в честь ленинского ЦК и лично Сталина не заслоняли главного: публично униженный и оболганный, «объявленный правым оппортунистом», выведенный в ноябре 1929 г. из членов Политбюро Н.И. Бухарин предстал на конференции в привычной роли ведущего теоретика партии. Он отметил, что годы первой пятилетки стали «новым этапом Нэпа, на основе рыночных отношений между государственными, кооперативными, колхозными предприятиями и прочими организациями». Это означало, что одно из главных обвинений в адрес «правых» – стремление сохранить рыночные отношения – показало свою беспочвенность.

Примечательна была и другая его мысль – о необходимости «утвердить и провести в жизнь тезис о возрастающей роли науки во всей системе нашего производства, вплоть до самого низшего его звена – цеха». Смысл технической реконструкции Бухарин видел не в построении абстрактных «социалистических» схем, а в необходимости «объединить все силы науки со всею творческой энергией масс». Наука, а не идеология и партийное руководство, 31 января 1932 г. с трибуны конференции вышла на передний план. Производственно-техническая подготовка и переподготовка кадров в его речи превращалась в главную задачу советского государства.

Если в первый день работы конференции один член Политбюро (С.Г. Орджоникидзе) проговорил правду о характере экономических отношений в промышленности СССР, то во второй день другой представитель высшего партийного руководства (Я.Э. Рудзук) раскрыл цену результатов радикального форсирования темпов экономического роста. Наконец, соратник В.И. Ленина, многолетний член Политбюро (Н.И. Бухарин) подводил делегатов конференции к выводу о том, что не мудрость вождя, а развитие научно-технических знаний определяет курс государственной политики. Первые три дня конференции явно выбивались из сталинского «графика»: обсуждение итогов 1931 г. во многом отбрасывало оболочку идеологических конструкций и приближалось к пониманию сути последствий экспериментов «Великого перелома».

Доклад Молотова «Директивы к составлению второго пятилетнего плана СССР (1933–1937 гг.)» [9, с. 139–158] открывал четвертый день работы конференции. Для председателя СНК итоги 1931 г., как и предшествующих лет пятилетки, свидетельствовали об «успехах планового социалистического строительства», якобы подтверждающих возможность выполнения пятилетнего плана в четыре года [9, с. 139].

Тем не менее выполнение первого пятилетнего плана Молотов связал с его «оптимальным вариантом», утвержденным Пятым съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска процесса безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. 57 %, а в 1931 г. – 80 % [3, с. 127]. Тем самым глава правительства в кризисной ситуации зимы 1932 г. де-факто снял еще одно обвинение с «правых», воспринимавших «оптимальный» вариант пятилетнего плана как последний рубеж политического реализма, как обвинение в замедлении темпов.

Весьма сдержанно глава правительства отметил и «некоторые недостатки», прежде всего, невыполнение заданий по повышению производительности труда: «Это наш громадный минус» [9, 141]. Отрезвляюще прозвучали слова В.И. Молотова о том, что СССР еще очень далек от технико-экономического уровня передовых капиталистических стран, и «мы не ставим своей задачей во второй пятилетке в целом догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны». Кроме того, серьезной проблемой оставался низкий уровень подготовки советских инженеров и техников. Как отметил глава правительства, «по научно-технической квалификации наших кадров мы еще стоим в большинстве случаев очень невысоко, а иногда и совсем на низком уровне» [9, с. 153–154].

Говоря о задачах второй пятилетки, Молотов в качестве «основной и решающей» назвал завершение технической реконструкции всего народного хозяйства», основу которой составляла широчайшая электрификация промышленности и транспорта, постепенное введение электроэнергии в сельское хозяйство [9, с. 140]. Индустриальный проект заслонял собой иные задачи и превращался в форму выживания советского государства во враждебном окружении. Концентрация на указанном проекте подавляющего большинства предполагаемых средств свидетельствовала о значимости, которая придавалась индустриализации; неслучайно лозунг «большевики должны овладеть техникой» был объявлен важнейшим лозунгом партии, а вопрос о подготовке квалифицированных рабочих кадров и многочисленной армии технических специалистов преподнесен как решающий в реализации технической реконструкции [9, с. 153].

Следует отметить осторожность оценок Молотова относительно политических целей второй пятилетки [9, с. 145–148]: «Мы вступили в первую, низшую фазу коммунистического общества (социализма), но это будет далеко не завершено в течение второй пятилетки»;

«окончательная победа социализма» произойдет тогда, когда «все различия между рабочими и крестьянами полностью исчезнут».

С учетом его выступления годом раньше – на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, когда он провозгласил здравицу в честь нэпа («новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии. Развертывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого товарооборота») [8, с. 168], можно сделать вывод: переход секретаря ЦК ВКП (б) на должность председателя СНК сделало выступления, казалось бы, твердокаменного сторонника Сталина, более рациональными.

Доклад председателя Госплана СССР и заместитель председателя СНК и СТО СССР В.В. Куйбышева «Директивы к составлению второго пятилетнего плана СССР» [9, с. 159–181] должен был конкретизировать выступление В.М. Молотова благодаря информации по отраслям промышленности и регионам СССР. Радужное начало доклада («мы не только целиком выполнили пятилетку в четыре года, но и перевыполнили ее, так как по ряду отраслей тяжелой индустрии мы пятилетку выполнили в три года») дополнилось заключением Куйбышева о «превращении страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную», не подтвержденную, впрочем, никаким статистическим материалом. В сталинском духе вытеснение негосударственных секторов из экономики подавалось Куйбышевым как победа «социализма против капитализма» [9, с. 160].

Но переход докладчика от перечисления формальных количественных параметров и идеологических конструкций к качественным показателям вызвал у него иную тональность доклада: признание невыполнения первого пятилетнего плана по себестоимости, производительности труда, по соблюдению «технических коэффициентов качества продукции» резко диссонировало с утверждением о завершении уже в 1931 г. построения «фундамента социалистической экономики» [9, с. 160]. Развивая эту мысль, В.В. Куйбышев связал низкое качество выпускаемой продукции, повлекшее «перерасходование материалов, быстрое снашивание, порчу изделий и т.п.» с несовершенной организацией труда и уравниловкой в оплате труда, а также с отсутствием подготовленных квалифицированных кадров [9, 161]. Коснувшись сельского хозяйства, он отметил небывалые успехи социалистического наступления в деревне, а гибель значительной части крестьянского скота в ходе коллективизации объяснил тем, что «животноводство попало под огонь классовой борьбы в деревне и понесло очень серьезный, очень значительный урон» [9, с. 161].

Чем же был в реальности «фундамент социалистической экономики», характеризуемый столь низкими показателями качества, слабой организацией труда, невысоким уровнем подготовки кадров – делегатам конференции оставалось только догадываться.

ДВИЖЕНИЕ ВСПЯТЬ

Указанные противоречия не помешали Куйбышеву пойти на «теоретический прорыв, «обогнав» своего руководителя (Молотова), провозглашением второй пятилетки «периодом построения в СССР социалистического общества». Уже в годы второй пятилетки, как подчеркнул заместитель председателя СНК и СТО СССР, в Советском Союзе будет происходить «превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального труда»; «рабочий, занятый физической работой, начнет в широком масштабе получать политехническое образование»; «будут создаваться предпосылки для изжития в будущем противоположности между умственным и физическим трудом» [9, с. 162]. Наконец, увеличение норм потребления в 2–3 раза позволит СССР по уровню потребления в 1937 г. стать «самой передовой страной мира»(!). Столь смелые мифологизмы, очевидно согласованные со Сталиным, должны были отвлечь делегатов конференции от совсем иных размышлений о кризисных явлениях в экономике начала 1930-х г.

Трудно сказать, насколько присутствующие поверили картине светлого будущего и магическим заверениям Куйбышева, таким, как, например, «мы не подвержены кризисам. Октябрь привил нашему народному хозяйству невозможность заразиться этой страшной болезнью капиталистического мира» [9, с. 163]. Но обсуждение доклада В.В. Куйбышева было вялым: осуждение левацких идеологических утопий по опыту дискуссий 1928–1929 гг. могло обернуться обвинениями в «правом» оппортунизме. Критика экономических экспериментов в осторожной форме на конференции уже прозвучала, получив в ответ красноречивое молчание генерального секретаря ЦК.

Выступавшие на утреннем и вечернем заседаниях конференции 3 февраля, а также на утреннем 4 февраля 1932 г. говорили только об успехах, кризисах в мире капитализма; дружно поддерживали все предложения Молотова и Куйбышева. Единственным исключением этих трех заседаний стала речь наркома финансов СССР Г.Ф. Гринько [9, с. 214–218], пытавшего вернуться к деловому обсуждению проблем.

Однако утверждения Гринько о хозяйственных органах, ориентирующихся только на количественные показатели, «не дерущихся за снижение себестоимости, за рентабельность, пренебрегающие хозрасчетом», были фактически дезавуированы репликой Сталина (*единственной за одиннадцать заседаний конференции!*), заявившего, что «пятилетняя программа считается у нас минимальной. У нас будут еще ежегодные контрольные цифры, которые будут расширять пятилетний план из года в год. У нас будут еще встречные планы, которые приведут к дальнейшему расширению пятилетнего плана» [9, с. 233].

Как видно, и после потрясений 1930–1931 гг. для Сталина ставка на количественные показатели не теряла своего первостепенного значения. Символическое

молчание Сталина на протяжении одиннадцати заседаний конференции могло означать как нежелание вступать в дискуссию о причинах *очевидных* кризисных явлений в экономике; стремление скрыть обобщающую информацию о подлинной ситуации в народном хозяйстве, так и фиксирование всех отклонений от безусловной поддержки вождя. В конкретной ситуации зимы 1932 г. это должно было проявляться в замалчивании экономических провалов.

Ход работы конференции был направлен в нужное русло, и генеральный секретарь ЦК правящей партии мог уже не опасаться персональные эксперименты. Ответственность за захватывающие обещания была переложена на Куйбышева и на Молотова.

Резолюции конференции обильно цитировали положения докладов Куйбышева и Молотова, но в большей степени – главы правительства. Тезис Куйбышева о «построении в СССР за годы второй пятилетки социалистического общества» [9, с. 162] не вошел в резолюции: горький опыт первой пятилетки все же научил воздерживаться от столь рискованных обещаний. Делегаты конференции *единодушно* поддержали все предложенные резолюции, одобряющие генеральную линию партии в годы «Великого перелома», молчаливо согласились с отсутствием обсуждения хода и последствий коллективизации.

Чем же в реальности была XVII конференция ВКП (б)? Как и Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности (1931 г.), указанная конференция рассматривала итоги и последствия Великого перелома. Сталинский сценарий проведения конференции очевиден: на партийном форуме не рассматривались ни экономические, ни социальные последствия «революции в деревне». Вне внимания делегатов оказались проблемы положения того рабочего класса СССР, от имени которого и властвовала правящая партия. Даже намек на обсуждение масштабного голода в деревнях и селах на партийном форуме не прозвучало. Никакого сопоставления плановых и достигнутых показателей 1930–1931 гг. Сталин стремился не допустить и не допустил, переключив внимание участников конференции на перспективы «светлого будущего», второй пятилетки. Идеи «социалистического завтра» заслонили подлинное качество сталинской «генеральной линии».

Тем не менее на конференции была озвучена правдивая информация о характере экономических отношений в промышленности СССР; о масштабах брака в выпускаемой продукции, порожденного необоснованным увеличением темпов роста. Принципиально важным моментом, незамеченным историками, было признание Молотова в том, что выполнение заданий пятилетки произошло по параметрам «оптимального» пятилетнего плана образца весны 1929 г., (а не по сталинским «ударным» установкам 1930–1931 гг.). «Правые» были традиционно подвергнуты Молотовым осуждению, но идеи зачастую оказываются живучее людей: индустриальный проект в реальном испол-

нении к 1932 г. оказался ближе к вариантам Госплана весны 1929 г., даже с учетом увеличения проектных мощностей заводов-гигантов.

За исключением Бухарина, никто из «правых» не получил права на выступление на конференции, государственные задачи стабилизации экономики требовали своего разрешения, и критические нотки в выступлениях ряда делегатов говорили о назревавшем недовольстве в правящем эшелоне. Сталину удалось добиться ухода от ответственности за гибель и разорение миллионов советских людей, но факты вопиющей бесхозяйственности были брошены в информационное пространство, подвергая эрозии мифологию «социалистического строительства».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шесть дней работы XVII конференция ВКП (б) отчетливо показали: власть Сталина не является абсолютной; партийный и хозяйственный управленческий корпус в той или иной форме выразил тревогу за положение дел в народном хозяйстве. Экономическая наука, в том числе и в форме обоснованного пятилетнего плана, потерпев поражение в борьбе с идеологией осенью 1929 г., в феврале 1932 г. вновь напомнила о себе требованиями внедрения хозрасчета, приоритета качественных показателей, ухода от уравнилельной системы оплаты труда, т.е. всего того, от чего зависела стабилизация развития советского государства.

Сталинское молчание на одиннадцати заседаниях конференции означало как вынужденное понимание необходимости стабилизационных мер в экономике, вынужденную готовность к тому, что будет названо «мини-реформами», так и «постановкой на учет» всех, кто покушался на мифологические конструкции «экономического фундамента социализма».

От конференции лежала дорога и к событиям лета 1932 г., когда под напором финансового кризиса Политбюро, впервые с осени 1929 г., в срочном порядке предприняло сокращение капиталовложений, причем более всего уменьшалось финансирование тяжелой промышленности [7,95, 118], и к террору 1937–1938 гг., забравшему жизни большинства участников конференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История социалистической экономики: в 7 т. М.: Наука, 1977. Т.3. 536 с.

2. История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т.2: 1921–1937. 512 с.

3. *Лельчук В.З.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975. 312 с.

4. *Лельчук В.З.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.

5. *Козлов В.А., Хлевнюк О.В.* Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг. М.: Политиздат, 1988. 253 с.

6. *Davies R. W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke and London: Macmillan Press, 1996. 612 с.

7. *Хлевнюк О.В.* Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

8. Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: стеногр. отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.: Соцгиз, 1931. 251 с.

9. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.: Партийное изд-во, 1932. 396 с.

10. *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917–июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.

11. *Пыстина Л. И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 159 с.

REFERENCES

1. History of the socialist economy. In 7 vols. Moscow, Nauka, 1977, vol. 3, 536 p. (In Russ.)

2. History of the Soviet working class. In 6 vols. Moscow, Nauka, 1984, vol. 2: 1921–1937, 512 p. (In Russ.)

3. *Lel'chuk V.Z.* Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography. Moscow, 1975, 312 p. (In Russ.)

4. *Lel'chuk V.Z.* Industrialization of the USSR: history, experience, problems. Moscow, Politizdat, 1984, 304 p. (In Russ.)

5. *Kozlov V.A., Khlevnyuk O.V.* All begins with a man. The human factor in socialist construction: results and lessons of the 1930s. Moscow, Politizdat, 1988, 253 p. (In Russ.)

6. *Davies R.W.* Crisis and progress in the Soviet economy, 1931–1933. Basingstoke; London, Macmillan Press, 1996, 612 p.

7. *Khlevnyuk O.V.* Stalin and the establishing of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 2010, 478 p. (In Russ.)

8. The first all-Union conference of workers of socialist industry. Verbatim report from January 30 to February 5, 1931. Moscow, Sieges, 1931, 251 p.

9. The XVII conference of the all-Union Communist party (b). Verbatim record. Moscow, Sotsegiz, 1932, 396 p. (In Russ.)

10. *Sokolov A.K.* From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917–June 1941. Moscow, New Chronograph, 2012, 527 p. (In Russ.)

11. *Pystina L.I.* "Bourgeois specialists" in Siberia in the 1920s – early 1930 s. Novosibirsk, Inst. of Archeology and Ethnography Publ. House, 1999, 159 p. (In Russ.)

*Статья поступила
в редакцию 19.12.2019
Статья принята
к публикации 20.01.2020*